

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Исторические науки и археология

Отечественная история

*Васькин А.А.,¹ член Союза писателей
Москвы, член Союза журналистов
Москвы*

МОСКВА ЛЬВА ТОЛСТОГО. В ПОИСКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ. 1857–1858 ГГ. ПЯТНИЦКАЯ УЛ., Д. 12

Однажды вечером, во время чая, явился к нам неожиданно Л.Н. Толстой и сообщил, что они, Толстые, т. е. он, старший его брат, Николай Николаевич, и сестра, графиня Мария Николаевна, поселились все вместе в меблированных комнатах Варгина, на Пятницкой. Мы все скоро сблизились», – писал Афанасий Фет в «Моих воспоминаниях».

В Замоскворечье, на Пятницкой улице², в доме № 12, принадлежавшем купцу Б.В. Варгину, приехав из Ясной Поляны, Толстой жил с октября 1857 по апрель 1858 г.

Дом этот старинный, в основе его – особняк конца XVIII в., впоследствии неоднократно перестраивавшийся. Время значительно искажило флигель, в котором когда-то поселились Толстые. Долгое время здание использовалось не по назначению: до 1981 г., когда его передали Музею Толстого, здесь был пункт приема вторсырья.

Флигель построен (вместе с другим, идентичным ему, но не сохранившимся) в конце XVIII в. После пожара 1812 г. он был увеличен и надстроен деревянным мезонином над центром фасада, обращенного во двор. Левая часть здания, несколько отступающая вглубь квартала от красной линии улицы, пристроена в 1845 г. Ныне здание предстает перед нами отреставрированным, с восстановлением ампириной обработки фасадов и интерьеров, воссозданных по аналогам.

Живя на Пятницкой, Толстой, уже известный автор «Севастопольских рассказов», с большой заинтересованностью работает над повестью. «Я весь увлекся «Кзаками», – писал он в дневнике 21 марта 1858 г.

Здесь же к Толстому пришла мысль писать для детей. Малолетние племянники – оставшиеся без отца дети его сестры Марии Николаевны – тоже жили на Пятницкой: Варвара восьми лет, семилетний Николай и Лиза шести лет. Толстой занимался с ними: играл, читал им вслух (сказки Андерсена, названные им «прелестью»), ходил с детьми в зверинец, в балаганы. Однажды в театре во время представления дети заснули, что и подвигло Толстого на

¹ Васькин Александр Анатольевич – историк Москвы, писатель, журналист, лауреат Горьковской литературной премии 2008 г. в номинации «По Руси» (краеведение). Автор книг «Спасти Пушкинскую площадь», «Я не люблю московской жизни», или Что осталось от пушкинской Москвы», «От Волхонки до Знаменки», «От снесенного Военторга до сгоревшего Манежа», «Монастыри Москвы», «Московский университет на Моховой» и других, а также более ста публикаций, исследований, очерков на тему исторического прошлого российской столицы.

² Древнейшая улица Замоскворечья, возникшая на месте старой московской дороги на Рязань, стала известна в ту пору, когда здешняя местность еще была покрыта лесами, доходившими до берега Москвы-реки. До XVIII в. называлась Большой улицей, затем стала известна под современным названием, по церкви Параскевы Пятницы (снесена в 1930-е гг., стояла на месте вестибюля станции метро «Новокузнецкая»). Пятницкая улица и её окрестности заселялись ремесленниками, торговцами, стрельцами, с XVIII в. – преимущественно богатыми купцами.

написание детской сказки под названием «Сказка о том, как другая девочка Варенька скоро выросла большая». Сказка эта стала первым произведением Толстого для детей.

Мы не случайно привели в начале главы свидетельство Афанасия Фета, «милашки», как окрестил его Толстой в дневниковой записи от 4-го сентября 1859 г. В этот период московской жизни Толстого они общаются часто и доверительно. А в одном из писем 1858 г. Лев Николаевич признается Афанасию Афанасьевичу: «Душенька, дяденька, Фетенка! Ей-Богу, душенька, и я вас ужасно, ужасно люблю!». Встречаются они и на Пятницкой, и у Фетов на Малой Полянке.

Фет вспоминал, что у них «иногда по вечерам составлялись дуэты, на которые приезжала пианистка и любительница музыки графиня М.Н. Толстая, иногда в сопровождении братьев – Николая и Льва или же одного Николая, который говорил: «А Левочка опять надел фрак и белый галстук и отправился на бал».

На Пятницкую к Толстому приходит Салтыков-Щедрин. Одним из сблизивших их обстоятельств была общая страсть к цыганскому пению, которым они наслаждались в гостинице Шевалье в Камергерском переулке. Встречаясь на Пятницкой, они говорят о современной литературе, об искусстве. Толстой хвалил Салтыкова за рассказ «Из неизданной переписки», где тот изобразил характер «идеалиста» сороковых годов, «не сумевшего найти себе жизненного дела». У Толстого Салтыков-Щедрин познакомился с Фетом.

Толстой посещает Аксаковых, уже знакомых ему Сергея Тимофеевича, и его сыновей Ивана и Константина. В их доме в Левшинском переулке в ноябре 1857 г. он читает свой рассказ «Погибший» («Альберт»). Слушают со вниманием, принимают хорошо. Так что впечатления от общения с Аксаковыми остались «милые»: «Очень милы они были» (26 ноября), «милостиво поучают» (5 декабря), Константин Аксаков «мил и добр очень» (28 декабря). Толстой не обманывается – проявляемые к нему чувства искренни: «С Толстым, – пишет С.Т. Аксаков в 1857 г., – мы ведемся часто и очень дружески. Я люблю его от души; кажется, и он нас любит».

Радушно принимают Толстого Берсы. Они живут в казенной квартире в Потешном дворце Кремля большой дружной семьей, во главе с гоф-медиком, врачом Московской дворцовой конторы Андреем Евстафьевичем Берсом (1808–1868) и его женой, Любовью Александровной (1826–1886), урожденной Иславиной. Последнюю Толстой знал с детства, по-соседски, их тульские имения стояли недалеко друг от друга. Летом Берсы жили на даче в Покровском-Стрешневе, куда Лев Николаевич также наведывался. «Что за милые, веселые девочки!» – говорил он о дочерях Берсов – Софье (1844–1919), Татьяне (1846–1925) и Елизавете (1843–1919). В 1862 г. Софья станет ему женой.

На Пятницкой Толстой не только пишет, но и много читает. По-прежнему уделяет он время и физическому совершенствованию. Фет рассказывает, что «в то время у светской молодежи входило в моду гимнастические упражнения, между которыми первое место занимало прыганье через деревянного коня. Бывало, если нужно захватить Льва Николаевича во втором часу дня, надо отправляться в гимнастический зал на Большой Дмитровке. Надо было видеть, с каким одушевлением он, одевшись в трико, старался перепрыгнуть через коня, не задевши кожаного, набитого шерстью конуса, поставленного на спине этого коня. Неудивительно, что подвижная, энергичная натура 29-тилетнего Льва Толстого требовала такого усиленного движения, но довольно странно было видеть рядом с юношами старцев с обнаженными черепами и выдающимися животами. Один молодой, но женатый человек, дождавшись очереди, в своем розовом трико, каждый раз с разбегу упирался грудью в круп коня и спокойно отходил в сторону, уступая место следующему».

Любопытно, что, уезжая в Ясную Поляну, Толстой старался не изменять своим московским привычкам. Не найдя деревянного коня, он стал прыгать через живую кобылу, что вызвало недоуменные вопросы у дворовых людей. Не имевшие представления о том, что такое гимнастика, они никак не могли взять в толк, чем это граф каждый день подолгу занимается.

Яснополянский староста жаловался: «Придешь к барину за приказанием, а барин, зацепившись одною коленкой за жердь, висит в красной куртке головою вниз и раскачивается; волосы отвисли и мотаются, лицо кровью налилось, не то приказания слушать, не то на него дивиться». «Я не пойду, идите сами, он там голый кувыркается», – отказывалась выполнять приказание барыни, сестры Толстого Марии Николаевны, ее горничная Агафья.

Живя на Пятницкой, Толстой был озадачен важной, по его мнению, государственной проблемой – что делать с российскими лесами? Сделав вывод о неверном управлении лесным хозяйством империи, он составил свой проект его реформы. Толстой предлагал передать дело лесонасаждения частным предпринимателям, обязав их, за право владения землей в течение известного срока, очищать вырубленные участки леса от пней и дурных пород и засаживать их определенным количеством известных пород саженцев. Эксперимент по введению сей реформы Толстой предложил начать в его родной Тульской губернии в 1858 г.

21 октября 1857 г. он покидает дом на Пятницкой и едет в столицу на встречу с министром государственных имуществ, надеясь убедить его в целесообразности своего проекта, сулящего «громадные выгоды для целого края» и «выгоды финансовые для казны». Однако из этого ничего не выходит. Не прошло и десяти дней, как Толстой вернулся восвояси. Отрицательный ответ, данный ему, можно трактовать и как пожелание Толстому больше заниматься своей собственной усадьбой.

Волнует графа и еще одна нерешенная проблема, правда, менее масштабная, чем перестройка лесного хозяйства России: он так и не женился, а пора бы уже. Ведь жизнь его приближалась к четвертому десятку. Поиск невесты заставляет Толстого вновь и вновь появляться в свете на всякого рода званых вечерах, балах и маскарадах. Его видели даже в Московском благородном собрании, известной ярмарке невест. Одевался Лев по моде. Щегольство его бросалось в глаза, он появлялся на улице «в новой бекеше с седым бобровым воротником, с вьющимися темно-русскими волосами под блестящей шляпой, надетою набекрень, и с модною тростью в руке».

В то время было немало женщин, положивших свой глаз на тульского богатыря, с легкостью одолевавшего деревянного коня в гимнастическом зале.

Это, например, Валерия Владимировна Арсеньева, некогда внушившая Толстому радужные мечты о счастливой жизни. Впрочем, отрезвление пришло к нему довольно быстро. И когда в декабре 1857 г. он получил от нее письмо, где она выражала свою готовность разорвать отношения с другим ее текущим женихом и выйти замуж за Толстого, он учтиво посоветовал ей «приободриться и пойти на какой-нибудь решительный шаг в жизни, быть может, выйти замуж»; также он сообщал мимоходом, что сердце его совершенно свободно.

Были и другие, внимание которых к своей персоне отметил Толстой, – Е.И. Чихачева, О.А. Киреева, А.Н. Чичерина, что позволило одной из современниц говорить, что за ним «вся Москва страшно ухаживала».

Но все они мало его занимали, ведь он тогда «очень был интересен, даже его дурнота имела что-то привлекательное в себе. В глазах было много жизни, энергии... Он всегда говорил громко, ясно, с увлечением даже о пустяковых вещах, и с его появлением вдруг все озярялось. Всякая скука мигом исчезала, лишь только он покажется».

Толстого влекло в другую сторону. «А. – прелесть, – доверяется он дневнику 6 ноября 1857 г. – Положительно женщина, более всех других прельщающая меня». «По вечерам я страстно влюблен в нее, и возвращаюсь домой полон чем-то, – счастьем или грустью – не знаю», – записывает он 1 декабря.

И все это – о замужней Александре Алексеевне Оболенской, сестре его друга, тульского помещика Дмитрия Дьякова.

Не миновала его внимания и Екатерина Федоровна Тютчева, дочь поэта, с которым Лев Николаевич также видится в этот период.